

День выдался не из легких. До обеда Женька Петров успел сделать несколько ходок с лесом до базы, затем после обеда две, а к вечеру лесовоз, груженный хлыстами, выезжая с деляны, встал, словно вкопанный, — полетело сцепление. Петров договорился с главным механиком лесхоза, что ремонтом займется в выходные.

Ближе к ночи железного коня на буксире дотащили до Женькиной ограды.

Не зажигая свет на веранде, Женька снял с уставших ног ботинки, присел на крылечко, закурил...

Редко удавалось после работы побыть одному, прислушаться к ночным звукам поселка, ощутить гудение ног, расплывающуюся по телу усталость. Табак кажется вкуснее и ночная прохлада приятнее обволакивает тело, но главное — нащупать где-то внутри нужную жилку и почувствовать постепенно накатывающее удовольствие от выполненной работы.

Люба вышла на крыльцо встретить мужа:

— Раз пять звонила! Заждалась уже. Ленку еле спать уложила. Спрашивала, папа от белки подарок привезет? Случилось чего?

— Сцепление полетело, — буркнул Женька, туша сигарету. — Связь в лесу, знаешь, плохая.

— Борщ сварила. Ужинать будешь? — Люба погладила мужа по голове.

— Поем.

— Пока моешься, подогрею, а то остыл, — сказала Люба и ушла накрывать на стол.

Ополоснувшись в летнем душе, который нынче сколотил у палисадника, Женька долго растирался махровым полотенцем, сохранившим солнечное тепло. С аппетитом наварнул тарелку наваристого борща. Взглянул на спящую дочку, прокрался в спальню и завалился рядом с Любой, ощутив тепло ее молодого тела, запах чистых простыней...

Но с устатку долго не мог заснуть. В голове крутились думы о насущных делах — надо выбрать время и привезти лес на баню. В феврале оформили кредит (хорошую сумму добавили тещь с тещей) и купили небольшой домик в поселке у бабки Сербиной.

Наведя в жилище порядок, сразу же справили новоселье. Пятистенок оказался добротный, но баня на ладан дышала — потолок провис, и хозяин от греха разобрал ее на дрова. Воду приходилось таскать из колонки, руки не доходили пробить скважину. А мылись у брата жены — Бори Барсукова.

В мыслях вертелся завтрашний день. Решил встать рано и заняться ремонтом машины. Вскоре он провалился в глубокий сон.

Технику Женька любил: поковыряться в движке, собрать-разобрать деталь. Даже опытные механики иной раз махнут на неисправный карбюратор или замок зажигания: «Ай, да ну его! Поеду новый возьму». А Петров не сдавался: «Ну-ка, дай. Может, разберусь».

Вечером, вместо просмотра телевизора, уйдет в сарай и копается с железкой, разговаривает с ней, будто с живой: «Ну, милая, давай, покажи болячку. Чего захандрила?» — и не успокоится, пока не разберется в причине поломки. Мужики удивлялись, а он радовался — победил.

Утром рассвет коснулся макушки бора и свежесть раннего часа начала будоражить поселок, а Женька уже на ногах. Руки «чесались». Хотелось скорее разобрать сцепление.

— Куда соскочил? Поспи, рано еще, — бросила Люба спросо-
нья, переворачиваясь с боку на бок.

— Покурю, — буркнул Женька и тихонечко вышел в сенцы.

В душе весело звенели бубенчики, он торопился, стараясь не сбить настрой.

Не тратя время на завтрак, выпил крепкого чая, вычистил у коровы, и, пока жена спала, занялся делом. Накидал старых фуфаяк на землю, как отец учил, разложил ключи, залез под лезовоз.

Минуты летели незаметно. Люба загремела ведрами, ругая неспокойную корову, дергающую ногой и норовящую опрокинуть подойник. Женька, увлеченный ремонтом, спокойно занимался делом. Жена тем временем, успев выгнать Жданку в стадо, заглянула под машину.

— Помочь обещал, помнишь?

— А? — мучаясь с прокручивающимся болтом на коробке, Любин вопрос он пропустил мимо ушей. — Да-да, помню...

— Иди руки мой, борщ разогрела. Салатик сделала. А потом воду наносишь, стирки много накопилось. Перед баней хоть уберем-ся.

— Да, сейчас иду. Ленка спит? Еще пять минут... — ответил он, кряхтя от натуги. Женька перебрал несколько ключей и головок, а болт на коробке передач ни с места.

Люба ушла.

Сообразил побрызгать болт «вэдэшкой», и тот наконец-то сдался. Скинул коробку, разобрал сцепление и сразу определил причину поломки: разрушение и обрыв накладок. Куски накладок заклинило между дисками, что не позволяло полностью выключить сцепление.

Почувствовав голод, Женька отмыл от мазута руки, зашел в сенцы. Бросил взгляд на часы и ахнул — половина десятого.

Люба недовольно отвернулась.

Осознавая вину, муж нарушил неловкое молчание:

— Люб, сколько ведер нести?

— Спасибо, справилась без мужика. От соседей шланг перекинула. Тебя разве дождешься!

У Женьки ёкнуло под ложечкой, понял — без спектакля сегодня не обойтись. Утренний настрой исчез.

Супруги жили дружно, но иногда, в силу разных причин, начинали тянуть одеяло каждый на свою сторону. Мерялись характерами.

Вообще Петров мужик покладистый, но и не подкаблучник. Живя у тестя с тещей, Женька и Люба, случалось, спорили из-за всякой ерунды, никто уступать не хотел. И Люба, чувствуя себя хозяйкой, пользуясь негласной поддержкой родителей, заводилась с пол-оборота. Женька старался не конфликтовать, но иной раз не выдерживал. Тесть с тещей поспешно удалялись к сыну, а муж и жена выясняли отношения.

Женька молча вышел на улицу. Люба вылетела вслед за ним и бросила вдогонку:

— Даже не сомневалась! Развалюха всегда была дороже семьи. Разговоры и те только о твоей колымаге! — Люба ушла, громко хлопнув дверью.

Женька вернулся. Жена сидела у входа на диване, смотрела в окно, скрестив полные руки на груди.

— Люб, не дуйся. Починил бы по-быстрому и помог — не безрукий. Без лесовоза работа встанет.

— А нами когда займешься? Мы тебя неделями не видим. Спозаранку уехал — затемно приехал, а еще и в выходные с железкой возишься.

— Не за бизнесмена замуж выходила. Смотришь, рассекала бы по курортам. Вообще отстань от машины. Я с помощью, как ты выражаешься, «железки» семью кормлю.

— Ха, закормил! Баню построить не может, кормилец. В магазине и то поболее получаю. Сиди лучше дома, хоть по хозяйству толк будет, посмотри, коровник совсем развалился.

— Выходит, мало зарабатываю? — слова жены задели за живое. На глаза попался чайник не из дешевых, купленный в городе. Женька ткнул в него пальцем: — А чайник кто покупал? А холодильник? А телевизор? Молчишь? Мало? Жизни сладкой захотелось? Сейчас устрой!

Электрический прибор как-то внезапно оказался в его руках. Заметив испуганный взгляд жены, Женька процедил сквозь зубы:

— Ну, раз мало зарабатываю, на чайник выделишь с зарплаты, — И шваркнул его об пол.

— Ты что творишь! — взвизгнула Люба.

— Довольна?!

Люба соскочила с дивана и, схватив с плиты чугунную сковородку, кинулась на мужа:

— Получай, зараза! — Сковородка просвистела над головой.

Женька, словно ошпаренный кипятком, выскочил в ограду.

— Сейчас же манатки соберу, к маме на Забегаловку поедешь!

На веранде на гвоздиках висели две трехлитровые банки и они, попав под горячую руку хозяйки, пошли в расход.

Увернувшись от запущенных в него стеклянных снарядов, Петров скрылся за стайкой, где относительно тихо и безопасно.

Под горой, куда сваливали навоз, дед Коля Табуньков копал червей. Увидев взлохмаченного соседа, он не смог сдержать улыбку:

— Никак Любане снова бой даешь? — Дед Коля оставил занятие и, вскарабкавшись наверх, присел на березовый чурбачок рядом с соседом.

— Эх, молодежь, молодежь... — вздохнул дед, угощая Женьку папироской. — Раньше надо было воспитывать, а теперь, кажись, поздно. Только ребеночка перепугаете криками. Чего занялась-то?

— Да стираться затеяла, — вздохнул Женька. — На лесовозе вчера сцепление полетело, кровь из носу надо за выходные сделать.

— На короткой цепи их следует держать, — дед Коля поднял вверх сжатый кулак. — Понял? Крепко! И спуску не давать. По молодости бабку тоже воспитывал. Сейчас у меня шелковая.

Сосед изобразил подобие улыбки:

— То-то вижу «шелковая» по ограде тебя граблями гоняет в день пенсии, когда ты заначку тыришь.

— Всякое бывает, — лаконично ответил дед Коля и, выкинув окурочек, достал из-под чурбачка четок самогона.

Выпили.

— Случается, Женька, что попадает человек в жизненную кабалу, запрягают его вместо мерина и гоняют по часовой стрелке.

И вроде бедняга привык, а вдруг взбрыкивает. В голову взбрендит одному ему понятное, ни с чего поворачивает и прет против течения жизни. Задыхается, а прет. Вот и мы, сынок, из той породы будем.

— Что еще за порода?

— Неугомонная. Будто аппендикс. Живем тихо, а потом хренак — воспалимся...

Словно в подтверждение только что сказанного, в подсолнухах показалась бойкая старушка с веником в руках. Завидев деда Колю, направилась к нему и без предупреждения стала молотить его по спине.

— Кто у меня сотню из кошелька дюзнул, а, старый? — усердствовала баба Маша, охаживая супруга. — На рыбалку собрался? Ох, сейчас получишь! Опять пойдешь к Дашихе за пол-литрой? Ну, змей. Чтоб обратно вылезло. Чтоб ты ей захлебнулся!

— Маша... Маша! — завопил дед Коля, согнанный с чурбачка. — Может, где выронила случайно?

— Даже догадываюсь, кто подобрал, — баба Маша начала пуще охаживать деда веником. — Сейчас мигом с горы кубарем спустишься.

— Совсем сбрендил на старости лет! Соседушка, полюбуйся на тирана моего. Правильно делаешь — Любку воспитываешь. Упустишь, потом будешь маяться.

Дед Коля проскользнул мимо супруги, получил от нее хлесткий удар веником и скрылся в огороде. Баба Маша последовала за ним. Женька проводил их грустным взглядом и вспомнил: в прошлом году справляли дедам золотую свадьбу.

Немного посидев в одиночестве, понаблюдав за красно-белым петухом, разгребавшим навозную кучу, Петров поднялся и вышел из-за стайки. Люба стояла на крыльце, а в ногах ее покоились две спортивные сумки.

— Что, собрала?

Люба пихнула одну сумку, и та слетела по ступенькам.

— Катись в свою Забегаловку! И лесовоз прихвати, чтоб под окнами не маячил.

— Оставь лесовоз в покое.

— Если сейчас не уйдешь, я маму позову.

— Зови, зови. Придет, Дика спущу.

Люба дернулась, взяла сумки и вынесла их за ограду.

— Прекращай, слышишь, — возмутился Женька. — Устроила бабкам на лавочке потеху.

— У тебя железяка есть, пусть ей будет стыдно. Мне безразлично.

— Тогда держись!

Женька покидал сумки в кабину, достал из палисадника канистру с бензином и подошел к сараю.

— Чего еще надумал? — испугалась Люба.

— Сожгу все к чертям собачьим.

Люба загородила собой сарай:

— Женя, не надо... Не делай глупостей!

Старушки, сидевшие на скамейке, притихли, и слышалось изредка их оханье.

А Женька не унимался.

— Не на-адо, — передразнил он жену. — А то что? Заработаешь и построишь. Ты же у нас добытчица.

— Сосед, не балуй! — крикнул через палисадник дед Коля. — Не стоит женский род жертв. А то и мы ненароком сгорим.

— Не бойся, дед Коль, твою половину первую затушу.

Люба, видя бесполезность уговоров, перешла к угрозам:

— Не угомонишься, заберу дочь и уйду к родителям. А в понедельник на развод подам. Хватит с меня твоих выходок. Натерпелась, сил моих больше нет.

— Давай, валяй. А Ленку не отдам.

— Кто тебя спросит, дурень. А начнешь препятствовать, вообще родительских прав лишу. И на раздел имущества подам.

— На раздел имущества? Хочешь, прямо сейчас разделю!

Женька сбегал в дровяник и принес бензопилу.

— С сарая начнем? — серьезно спросил он, поглядывая на новенькую STIHL. — Или с обихода?

— Дурак!

— Дед Коль, слышишь, Любка имущество делит! — крикнул Женька соседу.

— Слышу, куда от вас денешься, — пробурчал тот.

— купишь Жданку? За полцены отдам.

— За полцены куплю. Корова справная? Молока много дает?
Когда сделка?

У Любки остается один-единственный вариант:

— Сейчас Бориса позову, бока-то мигом намнет! Беседовать не будет.

— Зови своего братика. Поговорим по-мужски.

Люба в порыве гнева почти всегда звала брата на помощь и на этот раз не поленилась, сбегала.

Борис с Женькой — друзья закадычные, он-то и познакомил на свою голову Петрова с сестрой, и теперь, когда оказывается между двух огней, то деваться некуда — становится первоклассным актером.

Бориса слышно далеко за оградой.

— Сейчас ему бока намну! Будет знать! Повадился мою сестру обижать.

Женька встретил его, засучив рукава на рубахе:

— Иди, иди... Сразу в зуб дам! Верзила, блин.

Люба с ехидной улыбкой проскочила на крыльцо, успев шепнуть братцу:

— Боря, не сильно, пожалуйста.

— Уйди только! — вслед сестре сказал Борис.

Сошлись два богатыря в ратном бою. Один здоровый, словно бык, — бывший десантник, а в другом и шестидесяти нет. Взял Борис за грудки Женьку и на ухо шепчет:

— Дай полтинник, похмелиться надо. А то моя калинка-малинка не дает, ругает за вчерашнее... Натворил дел, хоть убей не помню. Перебрали малость...

А на весь поселок орет:

— Сейчас душонку-то выбью!

И сотрясает над Женькиной головой пудовым кулачищем.

— Давай схожу, — шепчет Женька в ответ. — Встречаемся через десять минут за сараем, и деда Колю с собой возьмем. Я мигом.

И тоже во все горло кричит:

— Не буду тебя бить. Жалко! К матери ухожу!

— Катись, катись! И к Любке больше не лезь!

Люба вылетела на крыльцо:

— Ушел? Куда не сказал?

— К матери подался, — ответил Борис.

— Как-то легко... Поди, бабу себе нашел, подлец. Боря, верни его, а? По-братски!

— Ну вот, здрасьте. Приехали... Сначала бока намни, а теперь верни. Что я ему скажу? Давайте разберитесь меж собой, а я пошел баню топить.

Люба выбежала на улицу вслед за супругом.

— Женя, Женечка! — запричитала она. — Вернись! Не уходи...

— Вещи собраны. Счастливо оставаться.

Люба резко поменяла тактику и перешла от упрашивания к обвинению.

— Потаскушку, поди, завел? Кобелина... Ждешь момент, чтобы к чужой уйти.

Петров опешил.

— Вот дура, замолела. Люди услышат, поймут не то.

— А что люди? Если мужик бежит к другой.

— Сдалась другая, если есть своя умалишенная. Иди, а то Ленка одна осталась, напугается.

— А ты? — не унималась Люба.

— Сейчас приду. Цирк-шапито. Смотри, бабкам потеха.

Целый день в ограде Петровых было слышно бряканье тазиками, хлопанье дверями. Женька, сдавший позиции, помогал жене в уборке, в сердцах заворачивая крепкие словечки.

К вечеру вроде уgomонились.

После трудовой недели в поселке топят бани. Прошло стадо коров и совсем стало тихо. В прибитой тяжелым сельским трудом тишине вдруг раздался голос Маши Телегиной, которая громко звала соседку и показывала рукой на петровский участок:

— Ирка, посмотри скорей! Что творится...

Ирка, побросав подойники, выбежала за ограду и ахнула.

Петровы чинной походкой шли в обнимку к Барсуковым в баню. Женька одной рукой обнимал жену за талию, другой держал трехлетнюю дочку. А Люба, раскачивая крутыми бедрами, словно важная гусыня, несла тазики и полотенца.

Дед Коля вышел за ограду, хитро прищурился и махнул рукой.

— Эх, сделка выгодная сорвалась. Смотрите, смотрите, девоньки! Придурошные-то с утра дом делили, а теперь в баню вместе пошли, спинку друг другу тереть.